

УДК 821.161.1.09"18"; 81'42

Е. В. Цветкова

*Костромской государственной университет
elv15@list.ru*

МИКРОТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОМЕДИИ «БЛАЖЬ» А. Н. ОСТРОВСКОГО

В статье рассматриваются особенности одной из частей пространства в комедии «Блажь» А. Н. Островского – микротопонимического пространства. Дается характеристика микротопонимов в соответствии с их типологией, особой семантикой, определяется их роль в комедии.

Ключевые слова: комедия А. Н. Островский, «Блажь», пространство, микротопонимия, микротопонимическое пространство.

Ye. V. Tsvetkova

*Kostroma State University
elv15@list.ru*

MICRO-TOPONYMICAL SPACE IN THE COMEDY "A WHIM" BY ALEXANDER OSTROVSKY

Features of one of the parts of space in the comedy "A Whim" by Alexander Ostrovsky – micro-toponymical space – are examined in the article. Characteristics of micro-toponyms according to their typology, to special semantics is given, their role in the comedy is defined.

Keywords: Alexander Ostrovsky's comedy "Whim", space, micro-toponymy, micro-toponymical space.

Пространство в комедии «Блажь», впервые опубликованной в 1881 г. в журнале «Отечественные записки» «за двумя подписями: «Н. А. Островский, П. М. Невежин» (2, 525), представляет собой сочетание нескольких, в том числе и топонимического (а точнее микротопонимического, поскольку в пьесе нет ни одного собственно топонима), пространств. Наряду с другими языковыми средствами топонимы участвуют в создании образа пространства. И. Я. Чернухина в одной из своих работ пишет: «Воспроизведение (изображение) пространства и указание на него включается в произведение как кусочки мозаики. Ассоциируясь, они образуют общую панораму пространства, изображение которого может перерасти в образ пространства» (6, 44). Однако роль топонимов в произведении не ограничивается выполнением ими только локальной функции.

Микротопонимическое пространство, как совокупность всех имеющихся в комедии микротопонимов, является частью географического пространства – территории с расположенными на ней географическими объектами (а соответственно и совокупности их названий). Состоит оно исключительно из неофициальных наименований, по-разному выполняющих роль собственных названий различных объектов, с которыми каким-либо образом связано действие комедии. Имеются наименования, без сомнения, являющиеся микротопонимами, и названия, способные выступать в роли микротопонимов в пределах небольшого пространства, что не показано в полной мере в содержании комедии. Есть также тесно связанные с микротопонимией пространственные названия, которые могут быть отнесены к микротопонимическому пространству комедии условно или являются апеллятивными, и имеющие какое-либо отношение к пространству апеллятивы.

Микротопонимом, бесспорно, является наименование *город* (в произведениях А. Н. Островского данное слово в различной его семантике употреблено 325 раз (1, 550)), что подтверждается особенностями его функционирования в речи героев – как наименования ближайшего к поселению города (нарицательное название выполняет роль собственного наименования, на что мы неоднократно обращали внимание, в том числе и при исследовании топонимии произведений А. Н. Островского (4, 164–166; 5, 226–227 и др.); сведения об

этом есть в СРНГ (3, 56) и других словарях), которое имеется практически в любой, в том числе и костромской топонимической системе (для обозначения наименования ближайшего города – районного или областного центра, а также части города – обычно центральной). Микротопоним этот связан с тремя героями комедии: с Гурьевной (уездной свахой и комиссионером, переносчицей вестей и попрошайкой), Баркаловым (молодым человеком, управляющим именем Сарытовой и её сестёр и проматывающим их деньги) и Лизгуновым (богатым молодым человеком, соседом Сарытовой), которые связаны с городом в соответствии с образом их жизни (в подходящих значениях употребляется и само название места – для жизни деловой, разгульной и т. д.). Поэтому произносят его либо они сами, либо те, кто говорит о них (помещица Сарытова, готовая на всё ради пользующегося этим Баркалова, и её горничная Марья, выполняющая свои обязанности):

Марья. Гурьевна чаю напилась, собирается в город, так спрашивает, можно ли вас видеть?

Сарытова. Как некстати! А делать нечего – и она человек нужный. (*Марье.*) Позови! (2, 380).

Гурьевна. Ну, известно, какие в холостой компании бывают. Как в город приедет, так у них и компания. Сначала все здоровья друг другу желают, а уж как совсем станут здоровы, надо это здоровье куда-нибудь девать. Сейчас тройки и кататься, и женский пол с ними.

Сарытова. И часто это у них бывает?

Гурьевна. Да как в город поедет, так и компания.

Сарытова. А не врешь ты?

Гурьевна. С места не сойти, коли лгу. Третьего дня меня самоё чуть в прах не раздавили, маленько бог помиловал. Гаркают. Свищут... (2, с. 382).

Сарытова. Какое притворство! Вы думали, что ваши городские похождения всегда останутся тайной для меня?

Баркалов (*смеется*). Так вот в чем дело!

Сарытова. Он еще смеется... Я думаю, мне кажется, вам нужно оправдываться...

Баркалов. Оправдываться? И не подумаю! В чем оправдываться? В том, что я в городе кучу? (2, 383).

Гурьевна. Рано вчера управляющий-то из городу приехал аль вовсе не ночевал? Я его там видела!

Марья. Ишь вы как люты на расспросы-то! Нужен он вам, что ли? Так я его позову.

Гурьевна. Нет, нет, ну его, на что он мне! Так я пойду в девичьей посижу (2, 404–405).

Сарытова. Вы были вчера в городе?

Баркалов. Был.

Сарытова. Не видали ли Гурьевну?

Баркалов. Я ее никогда не вижу. Это она меня постоянно видит да вам сплетничает (2, 407).

Лизгунов не забывает о векселе, когда соглашается дать деньги Сарытовой: «Прошу не горячиться! Брать документы у меня привычка, или, лучше сказать, правило моей жизни, от которого я уж ни под каким видом не отступлю. Я рубля не дам без документа даже отцу родному. Вас, может быть, бланк затрудняет, надо в город посылать? Так вот, извольте. (*Достает из кармана и подает вексельный бланк.*) Со мной всегда есть!» (2, 410).

Город, как центр уезда (Баркалов Бондыреву о Гурьевне, когда тот увидел, как он «шутит» над ней: «Да ведь я жених. Разве я не имею права сказать тебе: милая, очаровательная Гурьевна! – и задушить в своих объятиях...»), говорит: «Я ее люблю за остроумие. Вы ее послушали бы сейчас, она целый уезд перебрала. Вас назвала индюком; жену вашу – бульдогом и фельдфебелем» (2, 415–416)), представляет так называемое ближнее пространство (наименований, относящихся к дальнему пространству, в комедии нет). Город в определённой сте-

пени противопоставляется имению наряду с противопоставлением имений Сарытовой и её племянниц имению Бондыревых.

«Действие происходит в имении сестер Сарытовой», «управляющий имением Сарытовой» – читаем в самом начале комедии в авторской ремарке и в списке действующих лиц (2, 374). Это так называемое «близкое», «своё» пространство представлено названиями наиболее значимых в нём объектов, которые описываются в авторской ремарке: «Сад. С правой стороны (от актеров) видна часть большого помещичьего дома, выход в сад из нижнего этажа через стеклянную дверь с одним приступком. Перед домом площадка, которая ограждена редкими решетками из вьющихся растений с большим полукруглым навесом над площадкой. Решетка доходит до половины сцены. На площадке садовая мебель: скамья, кресла и столики. Налево густой сад; в глубине, в левом углу, выдается часть флигеля, от которого идет через всю сцену садовая изгородь, с калиткой посередине» (2, 374) (часть этих названий звучит и в речи героев). Именно сюда, как в своё родное пространство, стремятся его настоящие хозяйки Ольга и Настя. Однако прежней благодати им не суждено здесь видеть из-за блажи их сестры-попечительницы, крестной матери Серафимы Давыдовны Сарытовой. Об этом мы узнаём в первом диалоге комедии – разговоре Марьи и Гурьевны:

Марья. Да помилуйте! Серафима Давыдовна в них души не чаяли. Ведь уж до чего! Одевать их, бывало, никому не позволяют, сами на них чулки надевали! Как, говорит, хотите, да как прикажете; вы, говорит, здесь хозяйки, а я ваша экономка!

Гурьевна. Да, да, да! Ну как же, помню!

Марья. Так как это имение молодых барышень, а у Серафимы Давыдовны хоть и есть свое небольшое, только хозяйничать там не у чего!

Гурьевна. Да знаю, знаю!

Марья. Так вот и судите! Барышня Настасья Давыдовна сказывали: я, говорит, из пансиона-то как на крыльях летела, думала, маменька мне так на шею и бросится, так и замрет от чувств, а на место того выговор получила.

Гурьевна. За что же выговор?

Марья. Серафима Давыдовна желали, чтобы барышни на вакансию не приезжали и еще год в пансионе остались, чтобы тверже всякие науки знать, а они не послушались и приехали.

Гурьевна. А Ольга Давыдовна что ж дома не живет?

Марья. Они у тетеньки у Прасковьи Антоновны гостят. Серафима Давыдовна желают, чтоб они там подольше погостили, так как у них дом богатый и приезд большой, так чтоб обращению занимались (2, 375).

Истинная причина такого обращения Сарытовой с крестницами кроется в её отношении к управляющему имением Баркалову: «А как хорошо было все устроилось: Леля гостит у тетки. Настя в пансионе, ничего не мешало бы нашему счастью» (2, 379).

Об имении говорит Ольга Баркалову: «Я не буду касаться того, правы ли вы, или неправы; я вам скажу только, что мы не желаем, чтоб вы управляли нашим именем. Мы убедительно просим вас отказаться от этой должности» (2, 419), и Насте: «Я скажу тебе по секрету: у меня есть жених; он умный, ученый, только небогатый. Мне хотелось, чтоб он управлял нашим именем; он бы привел все в порядок!» (2, 387).

Бондырева, умеющая вести хозяйство, распоряжаться людьми, предлагает Баркалову должность управляющего в ее имении (по просьбе Ольги, желающей избавиться от него без скандала): «Я и теперь говорю, что вы ничего не понимаете; а будете жить у нас в доме, волюшки такой вам не будет; станете делать, что я скажу, и человеком будете. Рассчитывайте: у меня в имении пять тысяч десятин, а тут полторы тысячи; у меня хлеб родится сам-двенадцать, а тут сам-друг; у меня тысяча рублей жалованье, а тут с сумочкой да с богом по морозцу (2, 425–426).

Гурьевна мечтает пристроить своего воспитанника Митрофана (мимо того, что плохо лежит, они оба не пройдут, на приобретении хуторка не останутся): «Вот так-то помещичье добро и попадет в наши руки» (благодаря тому, что она Сарытовой деньги под проценты дает); «Вот уж ты хуторок купил, а там и именье купишь, а потом можно и за барышню посвататься» (2, 413).

Об усадьбе говорят имеющие свой интерес к ней Баркалов, который почувствовал себя в ней хозяином: «Вы или отправляйтесь, или сидите в доме смирно – я в усадьбе шуметь не позволю!» – Бондыревым (2, 418), «Зачем вам? Ее надо гонять из усадьбы» – Сарытовой о Гурьевне (2, 407) и Гурьевна: «Да как же это возможно, бывши в усадьбе, да не показаться. У меня дело до них, за мной присылали» – о Сарытовой (2, 414).

В небольшом пространстве усадьбы ее обитателями как микротопонимы могут употребляться названия таких объектов, как флигель, сад, роща, рига.

О флигеле говорит проживающий в нем Баркалов: «Все это вздор, пустяки! Пускай приезжает кто хочет... я управляющий, живу во флигеле, что тут подозрительного? Что я, кучу, живу не по средствам? Так всякий управляющий имеет подразумеваемое обыкновение воровать; вот в этом пускай меня и обвиняют, а в чем другом...» – на слова Сарытовой о том, что ничего не мешало бы их счастью при отсутствии Ольги и Насти (ему ведь от Сарытовой нужны были только деньги, которые он сразу проигрывал) (2, 379). Туда он приглашает и Лизгунова, у которого хочет обманом деньги заполучить: «Пойдемте-ка лучше любоваться на нее из моего флигеля» (об Ольге, на которую Лизгунов имеет виды) (2, 399). Там же он и полученные от Лизгунова деньги держит: «Деньги есть, у меня во флигеле сидят, завтрака ждут» (Сарытовой) (2, 407).

В сад зовет «пойманного на месте преступления» (заснул) дядю (Бондырева) Настя (2, 393). Гурьевна ищет там Сарытову: «Сказала, что барыня в саду, а ее нет. Что она, как молодой месяц, покажется, да и спрячется! Подожду. Как бы только на победителя-то не налесть!» (2, 413). Сарытова просит Бондыреву о помощи («Протяни мне руку!»), напоминая ей о том, как они «вместе росли, вместе играли в этом саду» (2, 433).

О роще и риге говорит Марья, сообщающая Сарытовой об отъезде Бондыревых: «Уезжают, и с барышнями; уж давно собрались, только Настасья Давыдовна еще гуляет в роще, да уж и они домой идут, их с крыльца видно за ригой» (2, 433). А «по-ученому не знающая» («А так, за шкапом; по-нашему, с места долой, а по ихнему – за шкапом!»), но расчетливая, хитрая Гурьевна отправляет в рощу Митрофана: «Барышня в рощу пошла; постарайся познакомиться да поправиться!» (2, 423).

Неоднократно герои входят в дом (центральную часть усадьбы, значимую в действии) и выходят из него, направляются к калитке (этот образ также имеет свое назначение).

Микротопонимы и названия, выступающие или способные выступать в их роли, имеют не только локальное назначение (хотя точных названий нет ни у города, ни у усадьбы – комедия представляет типичную ситуацию). Они в определенной степени характеризуют героев комедии. Так, чаще названия объектов звучат в речи Баркалова и Гурьевны, заинтересованных в выгоде, желающих поживиться (каждый по-своему) за счет усадьбы, а также Марьи, старательно занимающейся хозяйственными делами. Бондыреву и Ольгу интересуют только их имения. Занятая мыслями о Баркалове Сарытова и мечтающая о прежней жизни в своем имении Настя говорят только о саде. Умеющий «делать деньги» Лизгунов упоминает лишь город, с которым связан своими делами.

Наименования, в разной степени соответствующие понятию микротопоним, являются одним из средств выражения пространственных отношений в тексте комедии и указания на различные пространственные характеристики, а также выполняют и иные функции, связанные с представлением героев, их взаимоотношений, происходящих с ними событий, их отношении к окружающему пространству и т. д.

Литература

1. А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012.
2. *Островский А. Н.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. М., 1959.
3. Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л., 1972.
4. *Цветкова Е. В.* Микротопонимы в пьесах А. Н. Островского // Щельковские чтения 2011. А. Н. Островский и его эпоха: сб. науч. ст. / науч. ред., сост. И. А. Едошина. Кострома, 2012. С. 160–168.
5. *Цветкова Е. В.* Топонимы в пьесе А. Н. Островского «Грех да беда на кого не живёт» // Щельковские чтения 2012. Проблемы жизни и творчества А. Н. Островского: сб. ст. / науч. ред., сост. И. А. Едошина. Кострома, 2013. С. 222–228.
6. *Чернухина И. Я.* Элементы организации художественного прозаического текста. Воронеж, 1984.

УДК 811.161.1.36; 821.161.1.09.18

Цинь Лидун

*Костромской государственный университет
gantsovsky_n@mail.ru*

**ГИПОТАКТИЧЕСКИЕ УСЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В ПЬЕСАХ А. Н. ОСТРОВСКОГО КАК ЭТАП В РАЗВИТИИ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ «СВОИ ЛЮДИ – СОЧТЁМСЯ»)**

Автор статьи на материале пьесы А. Н. Островского «Свои люди – сочтемся» рассматривает условные гипотактические конструкции, обладающие широким спектром союзных средств, отличающиеся синкретизмом значения и разной степенью архаизации употребления.

Ключевые слова: подчинительные союзы, условные союзы, стилистическая ситуация, книжные слова, разговорные слова, А. Н. Островский .

Qin Lidong

*Kostroma State University
gantsovsky_n@mail.ru*

**HYPOTACTICAL CONDITIONAL CONSTRUCTS IN PLAYS
BY ALEXANDER OSTROVSKY AS A STAGE
IN THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE DEVELOPMENT
(BASING ON THE PLAY "IT'S A FAMILY AFFAIR-WE'LL SETTLE IT
OURSELVES")**

The author of the article, basing on the material of the play "It's a Family Affair-We'll Settle It Ourselves" by Alexander Ostrovsky, considers conditional hypo-tactical constructs, which possess a wide range of conjunction means that differ in syncretism of meaning and in different degrees of obsolescence.

Keywords: subordinating conjunctions, conditional conjunctions, stylistic situation, bookish words, colloquial words, Alexander Ostrovsky.

Создание современного русского литературного языка относят к концу XVIII – началу XIX вв. и обычно связывают с именем А. С. Пушкина. Именно в его творчестве наиболее полно и органично воплотился важнейший принцип существования общенационального литературного (стандартного) языка – соединение книжного и разговорного, высокого (элитного) и низкого (профанного). Однако процесс выработки литературного русского языка продолжался и далее на протяжении всего XIX столетия и отразился в творчестве представителей русской классической литературы, полностью не завершён он и по сегодняшний день. В особенности это касается языковой парадигматики в области сложноподчинённых конструкций и их важнейшего средства выражения грамматического значения – подчинительных союзов.

Как известно, система подчинительных союзов на Руси сложилась довольно поздно: только к XVII в. появляются самые продуктивные в настоящий момент условные подчини-